

Вера Мельникова
Дочки, кошки, собачки

Дневник

Вера Мельникова Дочки, кошки, собачки. Дневник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34712512

ISBN 9785449301727

Аннотация

Мой дневник – это 17 увесистых тетрадей, написанных от руки. В них много семейных историй, весёлых и грустных. В этой книге вы прочтёте первые две тетради.

Дочки, кошки, собачки Дневник

Вера Мельникова

© Вера Мельникова, 2018

ISBN 978-5-4493-0172-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вы держите в руках Дневник. Он не придуман, не сочинён, он абсолютно настоящий и писался в тетрадах от руки. Я начала вести его 15 лет назад после рождения второй дочери.

Не пугайтесь: бытовые подробности жизни новорожденного я постаралась сократить до минимума. Они во всех семьях примерно одинаковые и читать об этом скучно.

Кроме того, не все мои философские мысли я сочла нужным доносить до читателя: это не самый подходящий материал для дневников.

15 лет – большой срок. За это время в нашей семье произошло много разных событий, весёлых и грустных. Они и есть основа Дневника.

25 августа 2002 года

Месяц назад у нас родилась вторая дочь, и мы с мужем Николаем вообще перестали успевать заниматься чем-либо, помимо детей. Старшей Насте сейчас 7-ой год. Младшую мы назвали Зоей – искали какое-то редкое, но не совсем экзотическое имя.

Когда Коля и Настя приехали забирать меня из роддома, Настя украдкой поцеловала мне руку и сказала: «Мама, спасибо за сестру.» Я и представить себе не могла, что моя девочка способна на такое проявление эмоций.

27 августа

Мы живём вчетвером в одной комнате на Юго-Западной. Во второй и последней живёт свекровь Татьяна Николаевна, красивая молодая женщина спортивного телосложения. Слова «бабка» или даже просто «баба» – это не про неё. Со свекровью мы сосуществуем весьма мирно, но свекровь моя – заместитель директора Тимирязевского биологического музея и ей, конечно, не до пелёнок и бутылочек. Она вообще предпочитает в нашу комнату не заходить. Боится младенца, что ли?

Зато к нам беспрепятственно приходят псы: свекровин серый дог Чиф, моя старенькая немецкая овчарка Джесси, дворняжка же Георгий вообще с нашего дивана не слезает, он там от Чифа прячется. Ещё у нас есть кот Пушкин, который почему-то тоже в разряд «псов» у меня попадает. Вся

эта братия не упускает момента, чтобы тщательно обнюхать и даже, бывает, лизнуть нашу Зою.

«Глистоносцы бессовестные!» – кричит на них с кухни свекровь-биолог. Но псы закрывают ушки лапками и остаются при своих интересах.

Из нашего окна виден Тропарёвский лесопарк, очень-очень любимый.

У нас вообще всё не так уж плохо, только жутко тесно: некуда спрятаться ни от детей, ни друг от друга. А побыть с собой наедине – для меня, например, ежедневная потребность. Но мне пока только 27 лет: может, ещё успею?

28 августа

Настя помогает нам как может. Очень уж она рада появлению в семье младшей сестры. Хотя мы понимаем, что её саму недавно принесли из роддома, что нельзя никакой помощи от неё требовать, но она одним своим присутствием рядом со мной и с Зоей несколько «разбавляет атмосферу». А главное – с ней можно разговаривать! Не знаю, как относится к старшей сестре Зоя. Думаю, она ещё не определилась.

Только что позвонила моя дорогая мама, через месяц после рождения Зои, впервые.

– Ну, дорогие мои, поздравляю вас с рождением Зинаиды!

– Мама, у нас Зоя...

– Ой, ну извините, пожалуйста, я перепутала.

С мамой моей мне общаться очень трудно, легче не общаться. Она постоянно в каком-то своём образе, у неё постоянно новые замужества, новые кошки, она всегда находится в поисках нового счастья в личной жизни, вообще в поисках лучшей доли для себя. По-моему, она не очень справляется с этими поисками последние годы и подбадривает себя спиртным. А может, наоборот, справляется и пьёт от счастья?

В любом случае никакой помощи с внучками от моей мамы ждать не следует. Пару лет назад она вообще посоветовала мне сдать Настю на пятидневку:

– Ты же будешь совершенно свободна! У тебя будут развязаны руки!..

Интересная позиция: зачем их тогда рожать, детей-то этих, чтобы сдавать куда-то?

Такая у меня мама. Вечная сигарета, маникюр-педикюр, макияж, обилие украшений, бейсболка в любое тёплое время года, а главное – «глубокие» суждения обо всём происходящем в стране и в нашей семье.

5 сентября

Отсутствие бабушек и теснота – это не единственные проблемы в нашей семье. Есть кое-что поважнее: наша с Коль-

кой профессиональная нереализованность, точнее – нереализуемость в данный момент. Муж хочет заниматься литературой, я – художник (хотя первое образование у меня географическое с французским языком). Да, безусловно, это не самые хлебные профессии в нашей стране, но что же поделаешь, если душа просит именно творчества и только его? И вот тут-то и начинается трагедия: творчеству надо отдаваться целиком, забывая себя, с утра и до утра, а у нас даже урывками не получается.

И единственное наше общее рабочее место – это кухонный стол. В комнату, где живут четверо, письменный стол нам уже не впихнуть. Да и присутствие детей...

Я нашла экзотический способ рисовать при Зое: когда мы выходим гулять в парк, и она засыпает в своей коляске, я кладу ей в ноги (на остов люльки) фанерку, прикрепляю скрепками бумагу и получается подобие мольберта. На прошлой неделе, например, стояли очень тёплые дни и мне удалось сделать аж 10 полноценных пейзажей. Но это, разумеется, спасибо хорошей погоде.

8 сентября

Настя ревнует родителей к сестре! Но, кажется, мы своевременно поймали этот момент. Конечно, это неизбежно в любой семье, где рождается новый человечек. Столько уже написано об этом умных статей психологами и педагогами,

но всё же совершенно избежать этой неприятности не удаётся. Мы решили моментально «делить детей» как только чувствуем, что «вот оно, началось». Когда я занимаюсь дома с Зоей – Коля предлагает какую-то деятельность Насте. Если же я иду гулять в парк с коляской, то обязательно беру с собой Настю и общаюсь исключительно с ней. Кстати, Насте понравилась моя идея мольберта у Зои в ногах, и она тоже рисовала.

Наверное, многие родители находят свои способы свести к минимуму подобную детскую ревность, но главное – не надо делать вид, что такой проблемы не существует или что в вашей семье «этого уж точно никогда не случится».

11 сентября

Есть ещё одно важное достижение – мне хочется называть это именно так – которое нам с Колькой удалось реализовать. У нас получается оставаться едиными в своих решениях относительно всех детских вопросов. Пока это касается, конечно, больше Насти. То есть у нас не случается ситуаций, когда «папа говорит одно, мама – другое, а ребёнок не знает, кого слушать». Мы договорились быть едины в своих вердиктах. Пока получается. Надо бы у Насти спросить: она-то довольна?..

16 сентября

Сегодня утром случилось маленькое чудо: в квартире

не оказалось абсолютно никого, кроме псов. Зоя же при этом мирно спала. И я смогла посидеть одна на кухне, в полной тишине, и выпить кофе с печеньем. Я ни о чём не думала, я просто смотрела в окно и наслаждалась этим случайным покоем.

Я думаю, это утро было некой компенсацией за вчерашний сумасшедший вечер, когда мне хотелось бежать из квартиры и кричать на весь наш микрорайон:

– Уберите от меня ребёнка! Уберите от меня ребёнка! Я самая плохая мать на свете: я не в состоянии уложить его спать.

Зоя и правда так долго не засыпала и вообще отказывалась «хоть немного помолчать», что я начала реветь от усталости и собственного бессилия перед младенцем.

У нас в тот вечер были гости – наши с Колькой общие друзья, которые как-то особенно громко одевали в коридоре свои куртки. Несмотря на плотно закрытую дверь, был слышен малейший звук. Потом дверь открылась, украсив Зою мощным потоком света и кто-то громко сказал:

– Вер, не волнуйся, мы уже совсем скоро уходим.

Через 10 минут в комнату бочком пробралась Настя:

– Мам, я очень весело сегодня погуляла.

Потом кот Пушкин без малейшего стеснения (он же у себя дома!) поддел когтем дверь, не закрыв её за собой, разумеется; запрыгнул на диван, и стал активно тереться о нас с Зоей.

И последнее событие вчерашнего вечера, совсем уж из ряда вон выходящее: наша огромная черепаха Дыня, в ночи, решила переместиться из-под Настиного комода поближе к батарее. Как перемещается Дыня? Громко цокая по паркету...

Свекровь всё это время пряталась у себя в комнате, Колька ушёл провожать гостей. А я испытывала по полной программе счастье материнства.

20 сентября

Где бы взять деньги на смену гардероба? Я жирею не по дням, а по часам. Никакие диеты, гимнастики и массаж не помогают. Мне кажется, после рождения Зои я увеличилась втрое. Уверенно на мне застёгивается только махровый халат. И самое обидное, что жрать надо: на то, чтобы находиться с ребёнком (с двумя!) на ногах целый день, нужны титанические усилия.

Помимо наших замечательных девочек есть ещё стирка, мытьё полов, сумки из магазина, приготовление обеда на всех. В настоящий момент этим занимаюсь преимущественно я.

Самый болезненный пункт из этого списка – грязные полы. Из Чифа, Георгия и Пушкина сыпется просто шерсть, а из моей старенькой овчарки ещё и перхоть. И вот если дважды в день всё это не выметать и не протирать, то ноги начинают прилипать к полу в буквальном смысле этого слова.

А у нас дома принято ходить босиком. Но даже эти сто ежедневных поклонов с половой тряпкой в руках не убавляют моей талии ни сантиметра!

Но и стирка является не менее «радостным» событием: новая прекрасная стиральная машинка – подарок родственников мужа на день рождения Зои – пылится в коридоре. Я же стираю все вещи по-старинке – вручную. Почему-то Колька не торопится подключить новую машинку, зато, чтобы облегчить мне жизнь (надеюсь, именно такова его цель), он периодически ходит стирать свои джинсы и свитера к приятелю в соседний подъезд. У приятеля машинка работает давно и исправно.

22 сентября

У художницы Зинаиды Серебряковой было четверо детей. Несмотря на это она никогда не прерывала свои занятия рисунком и живописью и успела сделать за свою творческую жизнь очень-очень много действительно хороших работ. А весь «секрет» в том, что Зинаиде помогала её мама, взяв на себя абсолютно все хлопоты по хозяйству. Я не знаю, чья это была инициатива, не знаю, правильно ли это вообще, но если бы не подобное самопожертвование бабушки, Зинаида, при её потрясающей непрактичности, свойственной многим творческим людям, вообще перестала бы развиваться как художник.

Я начинаю чувствовать себя домработницей, а не мате-

рю. И уж тем более не матерью, которая рисует. Все карандаши и краски убраны мною на самую высокую полку шкафа.

Получается, что на одного человека в нашей квартире сейчас свален весь быт. И этот человек – я. И не может мне прибавлять этот факт хорошего настроения. Наоборот – под вечер я становлюсь просто бешеной и ору на всех. Неправильно это – когда всё повешено на одного человека. Мне вообще начинает казаться, что кроме быта в моей жизни больше ничего нет и не будет. Но как-то так «вдруг» получается, что все мои домашние при деле и помочь никто не может: свекровь на работе, Коля пытается «через пень-колоду» закончить третий курс института, параллельно где-то как-то подрабатывая, мама моя так ни разу и не приезжала на новую внучку посмотреть...

А тут ещё и мои проблемы с весом и тот факт, что скоро на улицу будет просто не в чем пойти (я, кстати, уже сейчас ношу на прогулку с Зоей Колину куртку – она широкая). Вот неужели я именно к этому и стремилась, когда ждала второго ребёнка?! И куда теперь сбежишь?..

28 сентября

Позвонил Игаев, мой преподаватель по рисунку: в следующие выходные наша подгруппа (у меня последний курс худграфа в качестве второй профессии) едет на этюды в Коломенское.

Я, наивная, стала упаковывать бумагу и краски. Не так уж мне это Коломенское, вдоль и поперёк исхоженное, было необходимо. Мне просто хотелось пообщаться со сверстниками (на нормальном взрослом языке) и не помыть один день полы. Честно! И тут, конечно, выяснилось, что никто не в состоянии меня на один день дома подменить: Коля и тётя Таня именно в ближайшие выходные возвращаются на конюшню у нас под окнами – катать детишек. Подработка! Свекровь вообще фанат и знаток лошадей и прекрасно держится в седле, а Коля ей необходим в помощь: детей, желающих покататься во время учебного года, традиционно очень много.

А мне – как?! Мне кто поможет?

– Зачем тебе Коломенское, – спросила за ужином свекровь. – Ты ведь и у нас в парке замечательно рисуешь.

Люди, вы, что, озверели? Я дышать скоро не смогу. У меня только быт, быт, быт. Ничего, кроме быта. С Колькой произошла крупная стычка по этому поводу – впервые, наверное, после рождения Зои. Но муж мой – мастер слова (ненавижу его иногда за это). Он как-то очень резко и очень сразу заявил, что домашнее хозяйство – это сейчас моя прямая обязанность, если я не работаю. И что вообще наличие детей в семье – это именно быт, быт, быт.

Ёлки-палки! Я же всего-то день воздуха у них просила! Как жить дальше? Как-то придётся: я не хочу, чтобы Настя видела моё удручённое состояние. Или она и так всё пони-

мает?

Вообще больше не буду рта раскрывать по этому поводу – пока это бесполезно.

1 октября

Ура! Зоя согласилась сегодня поспать на балконе. Срочно хватаюсь за свою тетрадь.

Я часто поругиваю себя за то, что не начала вести свои записи раньше, для Насти, когда та была совсем маленькая. Вернее, записи были, но в компьютере, не в тетрадях. Какой-то вирус уничтожил однажды все мои текстовые файлы. Восстанавливать по памяти я ничего не стала – настолько была зла на ситуацию.

Моя однокурсница по геофаку Маша Рогачкова всегда мне говорила:

– Один ребёнок в семье – халява.

Она была права: Настины первые годы жизни были нитруднейшими, но как-то эта жизнь с одним ребёнком мне легче давалась, чем сейчас, с появлением Зои.

Настин папа, к сожалению, ушёл из жизни через три недели после её рождения – автомобильная авария. Летом, у нас на даче. Он и насмотреться толком на дочь не успел. У меня на тот момент была только моя законная московская прописка у бабушки с дедушкой на Октябрьской улице

и неоконченное высшее образование – четвёртый курс института. Своего жилья и стабильных заработков у меня вообще не предвиделось – мне только что исполнился 21 год. Ну и моя мама, уже тогда в своём образе, оказывала мне очень мощную «поддержку».

Мама решила забрать нас с Настей жить к себе в однокомнатную квартиру, повторяя всё время:

– Ничего, Веруша, мы сильные, прорвёмся!

Куда прорвёмся-то?.. К новым образам, что ли? Воспринимала ли она моё вдовство всерьёз? Ради меня ли вообще она этот поступок совершила – позвала жить к себе – или ради того, чтобы сообщить миру, на какие добрые дела она способна? Эх, мама...

С мамой было тяжело. Мы спали с ней в одной кровати, я печатала свой диплом по ночам на кухне. Если же к маме кто-то приходил, то печатала в ванной комнате, сидя на табуреточке, пристраивая печатную машинку «Ромашка» на коленях. Со временем я стала давать уроки французского детям – пенсии по потере кормильца не хватало.

Но всё это было как-то терпимо, как-то переносимо. Самым болезненным для меня было ощущение, что я мешаю своей маме... обрести нового мужа. Ведь она собиралась приводить его в свою однокомнатную квартиру. Мужчин с квартирами у неё никогда не было, она таковых почему-то вообще не искала.

К началу зимы я стала себя чувствовать немножко на спя-

щем вулкане: куда нам с Настей нужно будет перемещаться в «случае нового мужа»?

И вот однажды мама вернулась домой счастливая: новый муж был найден.

– Работаем мы в разных местах, но жить мы будем вместе! – торжественно заявила она (о новом муже). Это, кажется, была фраза из какого-то фильма.

– Мам, а мне – куда?

– А ты должна в 24 часа, как говорится, решить свои квартирные вопросы.

Была середина декабря.

Я прожила с новым маминым мужем и счастливой мамой ровно неделю. Муж, кажется, вообще нигде не работал. Они спали на полу на кухне, оставив нам с Настей комнату. Вернее, не спали – больше гремели пустыми бутылками. Входная дверь постоянно хлопала: тогда спиртное продавали круглосуточно.

Я переехала жить к бабушке с дедушкой – мне даже выделили отдельную кровать, хотя могли бы и комнату маленькую нам с Настей отдать. Долго мы там не задержались – из-за тесноты главным образом. Ну и у меня снова возникло ощущение, что мы мешаем: ребёнок по ночам может заплакать, дедушка с бабушкой уже старенькие, им нужен отдых и так далее. Они мне никогда ничего не предъявляли, не гна-

ли, но я в итоге прогнала себя сама – к родителям покойного Дениса на Цветной бульвар. Там была замечательная отдельная комната в большой квартире и там были очень рады внучке. Если бы ещё мой дорогой свёкр не пил!..

На Цветном бульваре мы с Настей прожили больше года. Мои родственники (особенно мама) были счастливы, что мы «так удачно пристроились» и больше их не докучаем своим присутствием. Хотя общаться мы продолжали, я даже иногда заезжала к маме в гости.

Я получила диплом, но устроиться куда-то на серьёзную работу не могла. Для этого нужно было отдавать Настю в детский сад, то есть иметь чёткое место жительства на ближайшие четыре-пять лет. Меня брало сильное сомнение, что в моём случае это возможно: у нас с ней у обеих был статус бомжей.

Я продолжала давать уроки французского. Удалось накопить на съём отдельной квартиры недалеко от Савёловского вокзала: мне не было плохо на Цветном бульваре, но мне хотелось жить самостоятельно и не зависеть от застольев свёкра.

В начале зимы мы с Настей съехали вдвоём на Стрелецкую улицу.

Пока я бегала по ученикам, я отводила Настю к бабушке на Октябрьскую. Возвращались мы с ней поздно вечером, я всегда полуголодная и буквально без ног. И всё же это было

относительное счастье: я была свободна, за стенкой не было ничьей мамы, никакого домашнего хозяйства у меня практически не было, и у меня каким-то чудом находилось время для рисования.

Весной квартиру пришлось сменить, чему я была несказанно рада: хозяйева предыдущей оказались не совсем порядочными людьми. Моё новое жильё – пожалуй, самое любимое из всех моих квартир – находилось на 12 этаже в доме напротив. И у меня было теперь две отдельных лоджии. И сумасшедшие виды на московские закаты. По выходным можно было вообще никуда не выходить, а просто сидеть и смотреть вдаль. Так мы с Настей и делали. Зимой, помню, в одежах сидели поверх курток.

Однажды был какой-то особенно снежный и ветренный день. Огромные снежинки полчищами летели снизу вверх. Сквозь эту белую завесу мы могли разглядеть только ярко-синие огни над стадионом «Динамо». Даже старинного Миусского кладбища, которое у нас было совсем под окнами, было не видно.

За ночь намело какое-то невероятное количество снега, а мне на следующий день нужно было идти по ученикам. Насте же, соответственно, на полдня к моей бабушке.

Путь, на самом деле, был огромен для маленького ребёнка – не меньше трёх километров в одну сторону, мне кажется. Мы переходили Сущёвский вал, заворачивали в Выше-

славцев переулочек, потом кусочек улицы Образцова, потом Трифоновской... И не было никакого подходящего попутного транспорта. Нести на руках ребёнка в зимней одежде я могла лишь фрагментами, и Настя была довольно крупным ребёнком. Вариант с санками тоже не подходил: местами тротуары моментально расчищали и нам пришлось бы скрести полозьями по асфальту. И Настин нос при этом находился бы как раз на уровне выхлопных труб городских автомобилей.

Репетиторство было всегда для меня горьким хлебом, но это долгие годы были мои единственные заработки.

Ещё о тех временах запомнился тот удручающий факт, что мы с Настей очень плохо питались. Во-первых, все деньги уходили на съём квартиры, а во-вторых, я совершенно не умела готовить и совершенно не хотела осваивать это дело. Настя нормально обедала на Октябрьской улице. Кроме того, у меня тогда была подруга-татарка, которая периодически звала нас в гости и с удовольствием Настю угощала. Однажды Настя пришла к моей подруге настолько голодной, что съела котлету прямо в коридоре, не раздеваясь, опустившись на пол.

Я же, как правило, говорила, что сыта, хотя это было враньём. Мне просто было как-то неудобно «играть в саранчу». Бабушка меня, конечно же, подкармливала, но мне постоян-

но было мало, я никогда не могла наесться досыта.

Дома же я могла запарить для ребёнка геркулес в чашке или мороженые овощи из фабричных пакетов. Нет, мне не казалось, что это было нормой, но как-то не получалось у меня по-другому.

На Новый год произошла смешная история. Мы с Настей были приглашены к татарке Кате. Все наши общие знакомые разошлись по взрослым компаниям, а мне, как всегда, некуда было девать Настю. Вот и решили – уложим Настю спать и посидим с Катей вдвоём.

Перед застольем мы немного прогулялись по Новослободской и колядовали по знакомым. Кто-то подарил мне коробку прекрасных конфет, о которых я давно мечтала: твёрдый шоколад с грильяжем, а внутри вафельная прослойка. Такие сейчас не выпускают.

Пришли к Кате, я спрятала конфеты на самое дно пакета с детскими вещами. Настю мы покормили и уложили спать в отдельной комнате – спальне Катиной мамы, которая тот Новый год справляла у родственников.

Не могу сказать, что мы с Катей много выпили за праздничным столом. Вдвоём всё же особого веселья мы не испытывали, да и для веселья особого повода не было. Но проснулись мы с Катькой в час дня...

Просыпаемся, а в квартире абсолютная тишина. Там, за стенкой, в маминой комнате, где Настя, ничего не проис-

ходит. Ти-ши-на. Первое, что мы подумали: ребёнок умер, потому что так долго спать он не может физически. Мы обе ринулись в спальню.

Настя сидела на большой кровати, в одеялах и подушках, которыми мы её вчера заботливо обкладывали, чтобы она с кровати не свалилась. Абсолютно всё постельное бельё и даже обои были перемазаны шоколадом. Предприимчивый ребёнок, видимо, от скуки, добрался до заветной коробки с моими конфетками и распечатал и надкусил буквально каждую.

Меня до сих пор удивляет: как Настя поняла, что это вообще съедобно?! Как она смогла разжевать этот грильяж в шоколаде?!

Мы с Катей очень смеялись.

Волшебный сегодня день: Зоя согласилась на балконе же выпить свою порцию молока из бутылочки и опять заснула. Поэтому – я продолжаю.

Когда Насте было почти два года, в нашей квартире появился Колька. Он отнёсся к Насте как старший брат, с удовольствием играл с ней, не брезговал вытереть ей попу. Меня немного смущало, что он младше меня на целых семь лет, но без него в нашей квартире на 12-ом этаже становилось уже скучновато. Кроме того, у нас стало появляться яблочное повидло, дешёвая варёная колбаса, пельмени и даже ола-

дьи в моём исполнении, которые вечно подгорали – слишком уж тонкими были мои сковородки. Мясо готовить я так и не научилась, как-то не хватало у меня терпения поварить его ещё часок, зато стали получаться макароны. Одним словом: появилось какое-то подобие семьи.

Летом Настя жила на даче у бабушки с дедушкой. Нам её очень не хватало, но летом у меня не было уроков и не было никаких заработков. Нам просто не на что было бы кормить ребёнка. Мы же с Колькой ели вечные пельмени («Тураковские», как сейчас помню) и курили самые дешёвые сигареты – «Пегас». А как-то вообще несколько дней подряд ели одни грибы – бабушка дала нам несколько банок отварных опят, которые дед обожал собирать. Опята были фантастические, но в таком количестве нас они уже не радовали.

Одна из наших лоджий была настолько широка, что мы вытащили туда старый хозяйский диван и спали в жаркие летние ночи под открытым небом. Утром мы просыпались под любопытным взглядом нашей пожилой соседки, которая сообщала нам с соседнего балкона всегда одно и то же:

– Котик ваш опять ко мне приходил по парапету, я его покормила, не волнуйтесь.

Был у нас тогда замечательный серый кот Чижевский.

А потом грянул август 1998-ого года – кризис. Я потеряла почти всех своих учеников: у родителей просто не было

лишних денег, чтобы платить за дополнительное обучение детей. Квартиру на Стрелецкой больше снимать мы не могли. Николай предложил переехать на Юго-Западную, поближе к его маме, которая могла бы нам как-то помогать... обедами.

Мы сняли дурацкую недорогую квартиру на улице Бакулева, в соседнем доме от его мамы. Квартира была совершенно заставлена мебелью, которая страшно мешала, но под окнами начинался Тропарёвский лесопарк, куда можно было уходить на весь день, валяться на пледе в высокой траве, купаться и загорать. Миусского кладбища под окнами больше не было.

Кое-какие ученики у меня всё же нашлись. Вместе с пенсией по потере кормильца и минимальной помощью Колиной мамы мы прожили на Бакулева ещё год.

Я научилась делать пироги с зеленью и яблочные конвертики (я их так называла) из какого-то очень простого теста, в котором присутствовало большое количество обычного подсолнечного масла. Пироги выручали, они были весьма сытные. Вместо конфет я варила цукаты из арбузных корок по рецепту Колиной бабушки Веры. Ну а мясо у нас ела только, кажется, наша овчарка.

Как-то мы уложили днём Настю спать и пошли с Колькой вдвоём в парк выгуливать нашу старушку-овчарку. Приходим через час: вся квартира вверх дном, Настя на своей кро-

вати отсутствует. Зато на нашем диване навалена гора из подушек, одеял и даже одежды. Под этой горой – наша Настя.

– Настя, что случилось?! – кидаемся мы к ребёнку.

– Муха, – шёпотом отвечает девочка.

Настя вообще не переносила насекомых. А тут ещё и родителей рядом не оказалось.

В октябре Колька уговорил меня переехать к его маме в большую комнату – денег стало катастрофически не хватать.

– Временно, – сказал он.

И вот это «временно» продолжается уже два года. И окончания пытки не видать.

Зоя начинает просыпаться, поэтому последняя фраза на сегодня: до рождения Зои свекровь относилась ко мне как к родной дочери. Более того – и она мне стала ближе моей собственной матери. Потом что-то сломалось, и это счастье закончилось. И становится всё только хуже и хуже. Мне кажется, когда свекрови нет в квартире, мне дышится легче. Бессовестная я, наверное: это же её квартира. Но моя семья – это Коля и девочки, а свекровь – это... свекровь. Но говорить открыто я с ней об этом не буду – уезжать с Юго-Западной с двумя детьми мне некуда. И вообще, что я ей скажу:

– Почему Вы стали плохо ко мне относиться? Почему больше не любите?

4 октября

Ещё одна история про Настю и для Насти.

Весь прошлый учебный год я работала в школе преподавателем географии и москвоведения. Настя была отдана в детский сад и этому позорному событию будет у меня посвящена отдельная глава (простит ли она нас когда-нибудь за это?). И моя работа в школе и Настин сад изначально были необходимостью: надо было работать и зарабатывать, а моя старенькая бабушка, которая раньше охотно соглашалась брать Настю на полдня, была теперь от нас очень далеко. Водить же ребёнка к ней на метро каждое утро было бы бредом.

Когда я устраивалась на работу в школу, я, прошу прощения, предполагала кое-какую зарплату, которая сможет пополнить семейный бюджет. Но те первые гроши, которые я получила, заставили меня буквально разрыдаться в кабинете у нашей директрисы.

Мне тогда как раз хотелось купить на первую зарплату осенние сапоги для Насти. Выходило, что на аванс я смогу купить один сапог (из самых дешёвых), а на основную часть зарплаты, через пару недель – второй.

Всё это было жутко унижительно, учитывая с какой любовью и самоотдачей я вела каждый день все мои уроки и как старалась стать действительно хорошим учителем. Я обожала школу, я обожала свою работу, но работать фактически «за спасибо»...

Тем не менее, я решила дотянуть до конца учебного года, а потом поискать другое место. Настроение было отвратительное: усталость, обида за себя, неудовлетворённость.

Хорошо ещё, что я не отказалась от пенсии по потере кормильца (как на этом настаивала директор школы): она оказалась существенно выше моей школьной «зарплаты» и позволяла покупать необходимую обувь и одежду для Насти целиком, а не по частям.

Как-то у меня выдался методический день. Это означало, что на работу ехать не надо, а надо выспаться и засесть за подготовку к завтрашним урокам. Но как тут выспишься, если рано утром Настю надо отводить в садик? Я попросила накануне свекровь: она тогда тоже работала в школе, другой, сад у неё был чётко по пути. Но та заявила:

– Ваш ребёнок – вы и отводите.

Свекровь вообще по-разному относилась к Насте. Но, мне кажется, наша Настасья чаще бесила Татьяну Николаевну просто своим присутствием в квартире, хотя никогда никаких особых хулиганств за девочкой не числилось. Ну не любила она маленькую Настю и всё тут! Вообще жизнь с чужим ребёнком не каждому даётся легко и радостно, а тут ещё и в сад просят его отвести.

Короче говоря, я решила вообще не отводить никуда Настю и хорошенько выспаться вместе с ней. Так и сделали.

К полудню собрались в магазин за продуктами к обеду.

Чтобы не заставлять ребёнка стоять со мной в очереди,

я оставила её на большой детской площадке около магазина. У нас был более-менее закрытый микрорайон, в каком-то смысле оторванный от всей Москвы, не проходной двор. Многие дети гуляли самостоятельно уже лет с пяти. Тем более, на тот момент на площадке Настя была не единственная.

Я отсутствовала не более пятнадцати минут. Подхожу к площадке: Насти нет, вообще никого из детей нет. Я, конечно, заглянула во все детские игровые домики, залезла под все горки, посидела на скамейке минут десять: вдруг она с ребятами отошла куда-то и сейчас вернётся...

Тишина!

Нет Насти.

Опрашивать прохожих мне показалось глупо. Да и прохожих-то особо не было: в тот ноябрьский день ветер всех разогнал по домам. И я решила: сейчас я вернусь домой, спокойно приму ванну, выпью в тишине чаю с бутербродом, прилягу, может быть, на диван, а потом пойду в наше отделение милиции заявлять, что у меня дочка пропала. И вот только эти мысли были у меня в голове, только эти! Ни малейшей паники, никаких слёз, волосы на себе никто не рвал.

И тут я поняла, что причина моего спокойствия и полного равнодушия к ситуации кроется в моей постоянной усталости того дурацкого учебного года.

До какой же степени надо было выматываться! Фактически у меня не было ни дня, когда я могла бы побыть одна, в покое, наедине со своими мыслями и провести мой день

так, как мне хотелось бы. У меня была вечная суета, вечный стресс, я постоянно не высыпалась.

Я потихоньку пошла к нашему подъезду, поднялась на этаж. На лестничной клетке на батарее под окном сидела моя Настя. Она тут же вскочила и обрушила на меня лавину гнева:

– Почему тебя так долго не было?! Все ребята разошлись! Мне, что, одной нужно было сидеть и тебя ждать?!

У меня не было сил ей возражать. Я похвалила её, что она сама нашла наш подъезд и этаж. И поняла, что... чай с бутербродом в тишине мне и сегодня выпить не удастся.

Я рассказала эту историю Наташе Шишкиной, моей единственной знакомой мамаше по нашему микрорайону, с которой мы общались. У неё был сын Гриша, ровесник Насти, а потом родился Илья – в один год с Зоей. Наташа совершенно не удивилась моей реакции на исчезновение ребёнка.

– Вы не поверите, а ведь у меня с Гришей был очень похожий случай, летом, у нас на даче. Я даже и не собиралась предпринимать поиски сына. Мне как-то сразу стало ясно, что Гришу украли. Но я почему-то была абсолютно спокойна. Единственное, о чём я подумала: “Хоть бы он попал в хорошие руки!»

10 октября

У нас с Настей почти отсутствует тактильный контакт, что

меня очень пугает. Мне кажется, до рождения Зои этой проблемы у нас не было. Разумеется, что Зоя здесь совершенно не при чём.

Когда маленькая Настя начала уверенно сидеть, хорошо держа спину, я сажала её себе на плечи, и мы с удовольствием в таком виде бродили по переулкам между Сретенкой и Трубной: мы с ней тогда как раз жили на Цветном бульваре. Помню, был ужасно душный летний вечер – в квартире не уснёшь. Я решила взять Настю и пойти на улицу, несмотря на то, что была уже абсолютная темень.

Прошли часть Цветного бульвара, перешли Садовое кольцо под Самотёчной эстакадой и направились по Екатерининскому скверу с сторону парка ЦДСА – там было как-то тише и прохладнее, чем в наших намертво заасфальтированных переулках.

Через полтора часа я уже открывала дверь в квартиру. Прямо напротив входной двери у нас висело большое зеркало. В зеркале я увидела счастливую Настю у себя на плечах... с кольцом «Краковской» колбасы в одной руке и с небольшим пакетиком чипсов в другой. Волшебство какое-то! Откуда?!

Потом поняла: под Самотёчной эстакадой в те годы традиционно ночевали дальнобойщики. Когда мы возвращались обратно, один из них решил пообщаться с Настей. Наверное, Настина улыбка и готовность «поговорить», а может, и мои коротенькие шорты и босоножки на каблуках «заработали»

нам ужин.

Долго мы на колбасу и чипсы не смотрели – мы оставили половину «Краковской» на завтрак, а другую половину немедленно съели. Я жевала и думала:

– Мы это честно заработали.

Но больше просто радовалась колбасе и была благодарна Настасье. Уснули сытые.

Так что же тактильный контакт с Настей? Куда он подевался? Мне как-то трудно стало её обнять, поцеловать, прижать к себе. Бывало, что и дотрагиваться не хотелось. А может, у нас с ней его всегда было недостаточно? Всё её детство я была озабочена ежедневно только одним: как выжить. В таких условиях на «телячьи нежности» я просто не была способна. Конечно, это преступление с моей стороны: ведь по сути дела весь мой «контакт» заключался в том, что я брала ребёнка на руки, чтобы перенести его с места на место.

А ведь Насте этого было явно недостаточно.

Сейчас мы с Колькой пытаемся исправить ситуацию: по вечерам мы залезаем на наш большой диван и обязательно берём обеих девочек к нам – просто так, чтобы всем вместе поваляться, прикасаясь друг к другу.

Мои родители никогда не брали меня с собой в постель. Мне кажется, им это даже в голову не приходило. Наоборот, они как-будто даже охраняли своё пространство от меня.

А бабушка – та вообще гнала меня от родительской кровати, считая моё столь близкое присутствие проявлением невоспитанности.

Как-то ночью, испугавшись чего-то, я залезла к маме по одеяло (мама забирала меня от бабушки к себе по выходным), на самый край её половинки кровати. Упала, больно ободрав нос о ковёр и больше никогда-никогда попыток повалиться с родителями вместе не делала.

Я вообще до своей мамы не дотрагивалась долгое время. Впервые мне захотелось её коснуться уже тогда, когда мне было 14 лет, и я начала встречаться с Андреем Морозовым. По-моему, он как-то невольно прорвал эту плотину моего физического отчуждения от маминого тела, и я впервые сама взяла её под руку (мы тогда ехали с ней и с дедушкой на троллейбусе мимо Марьинского Мосторга).

Сейчас, разумеется, ни малейшего контакта у меня с мамой нет.

Как сложится с Настей – не знаю, но я постоянно об этом думаю.

У Коли в этом смысле было всё по-другому, всё правильно: они с сестрой получили обеих родителей сполна.

14 октября

Поймала себя на мысли, что сегодня мне тактильного контакта не захотелось даже с Колей. Моя голова всегда повёр-

нута только в одну сторону – в сторону Зоиной белой кровати. Оттуда постоянно исходят какие-то звуки и движения. Я не знаю, что это с моей стороны за «капризы»: эгоизм? усталость?.. Но хочется всех домашних просить, чтобы не дотрагивались до меня, чтобы вообще отошли на несколько шагов. Такое впечатление, что я тела своего не чувствую или что мне везде больно.

Мне вообще как-то стало сложно проявлять чувства по отношению к Коле. Не хватает меня ещё и на чувства. Надеюсь, это временно. А пока прямо забором бы себя огородила.

19 октября

Шла сегодня из магазина с сумками. Навстречу наша дворничиха, с дежурной мусорной тележкой. Дворничиха идёт как-то странно: на один бок заваливается. Поровнялись. Вроде бы всё обычно в её облике, но почему-то голова с одного бока как-то непомерно велика. При этом тётка ещё и кряхтит.

– У Вас случилось что-то? – спрашиваю я.

– Конечно! Тащу вот этого гада аж с Бакулева. Сколько раз скинуть пыталась – ни в какую. Вцепился намертво. А такой тяжёлый, гад!

И тут только я замечаю гигантского рыжего котяру, который расположился у дворничихи на мощном трудовом плече, заняв ещё и значительную часть её спины в телогрейке.

Волосы у нашей дворничихи рыжие и – трудно поверить – абсолютно того же окраса, что и шерсть у кота. Издалека совершенно невозможно различить, где животное, а где работник ЖЭКа.

Я посочувствовала женщине и ускорила шаг: у меня тоже волосы рыжие, хной выкрашенные; мало ли, что коту в голову может придти.

Я потом ещё много раз встречала эту парочку в нашем микрорайоне. Тётка так же кряхтела и заваливалась на бок, а кот так же нежно обнимал её. Не такая ли она, истинная любовь?

Школа, в которой я работала, располагалась ужасно неудобно от меня: приходилось добираться на нескольких видах транспорта и у меня никогда не было уверенности, что я не опоздаю на урок.

Это произошло зимой. Я по плану пересела с маршрутки на троллейбус. Снег валил всю ночь и я специально вышла из дома пораньше, предполагая, что городской транспорт будет двигаться не быстрее нашей черепахи Дыни: снегоборочная техника в Москве была немногочисленна и спала долго.

И точно: бедный троллейбус, обязанный по правилам передвигаться только по крайнему ряду, волей-неволей цеплял все придорожные сугробы. Цеплял, цеплял, да и встал в итоге как вкопанный. А он и правда основательно «вкопался».

В салоне паника: люди на работу опаздывают. Водитель спокоен – он и так на рабочем месте.

– Таак, – объявляет он в микрофон. – Ехать дальше хотим?

Люди переглядываются в растерянности.

– Мужчины в салоне есть? – продолжает водитель тем же невозмутимым тоном.

После чего он открывает двери и предлагает всем желающим троллейбус немного раскатать. Долго упрашивать никого не пришлось: дюжина пассажиров мужского пола храбро прыгнула в придорожные сугробы и действительно замечательно раскатала эту усатую махину, немного отодвинув её от злополучного снегового вала. Через десять минут мы уже ехали дальше.

Но радости у меня по этому поводу не было. Я всё думала:

– Это же просто дичь какая-то: накануне двадцать первого века в столичном городе пассажиры вынуждены высвободиться из снежного плена городской транспорт... И ведь это в Москве! В моей родной Москве, в нескольких километрах от Кремля.

22 октября

Я ищу ответа на философский вопрос: надо ли воспитывать детей. Точнее – как их воспитывать, чем, если можно так выразиться. Словами? Традиционным ремнём? Умными книгами? Задушевыми разговорами? Или только собствен-

ным примером, живя с ребёнком рядом и просто терпеливо отвечая на все его «глупые» вопросы? Но ведь для этого надо самим быть Человеком. А как себя объективно оценишь? Думаю об этом постоянно. Мне очень хочется быть хорошей мамой, которая выпустит во взрослую жизнь правильных дочерей.

Одно меня пока радует: это только моя сфера ответственности, то есть никакие мои и Колины родственники в моё материнство не вмешиваются.

Но, увы, и выходных мне не дают.

Наверное, чтобы не отвлекать меня от счастья быть матерью.

26 октября

Некоторые предприимчивые родители воспитывают своих детей... бабушками. Я знаю, что бабушки бывают очень разные, совсем не такие как моя мама. Но меня в любых подобных случаях преследует вопрос:

– Товарищи, а кто ребёнка этого на свет-то производил? Вы, бабуля? Чей ребёнок-то?

У Насти в детском саду была одnogруппница Катя, которую я никогда не видела с её родителями. Круглосуточно Катя находилась в компании бабушки. Да, бабушка была молодая и очень бодрая, но она была не мама.

Как-то мы оказались с ними на одной детской площадке. Я не удержалась:

– Скажите, а Катины родители, наверное, работают круглосуточно и совсем не могут Катей заниматься?

– Что Вы! Я просто своим молодым Катюшу не доверяю. Мы с ней всегда вместе всё делаем, она всегда со мной.

Абсолютно те же страшные слова я слышала и от матери Колиного друга, сестра которого родила первого ребёнка в 17 лет:

– Я не могу доверить своей дочери воспитание ребёнка.

И что интересно: фактически обе матери лишены родительских прав (собственными же матерями), но даже как будто рады этому. Руки развязаны, что ли, как мама моя говорила, предлагая сдать Настю на пятидневку?

Вот убивала бы я этих чудо-бабушек, честное слово.

Моя мама сдала меня бабушке в год. Сдала, развелась с моим отцом и ушла на поиски счастья. Да, она постоянно приезжала, но мы с ней стали жить вместе, вне бабушки, когда мне было уже 12 лет. Мама всегда утверждала, что бабушка забрала меня насильно.

– Она вообще была страшным человеком!

– А почему ты не оказала сопротивление? Кто вообще моей матерью был?

Когда моя мама не может ответить на заданный вопрос, она всегда говорит так:

– Ты ещё ничего не понимаешь в этой жизни!

Когда родилась Настя и у бабушки были ещё силы, она убеждала меня, что воспитывать детей должны именно бабушки, приводя многочисленные примеры из жизни «звёзд» отечественного спорта и эстрады. А родители должны работать.

На мои возражения (плевать на которые она тогда хотела, как мне показалось)

она резко заявила:

– Была бы я сейчас здоровая, забрала бы у тебя Настьку без разговоров.

Я показала ей кулак.

Другая крайность, нынче довольно распространённая – работающие бабушки. И не просто работающие, а плотно работающие, которые совершенно отказываются побыть с внуками хоть сколько-то, прикрываясь своей работой как ширмой:

– Я не могу посидеть с ребёнком. А когда мне? Я же работаю!

Это тоже обидно и неприятно, но главное, что, я уверена, это сразу же воздвигает стену отчуждения между бабушками и внуками. И не только в раннем детстве, но и потом, когда эти внуки вырастают.

Вы уж тогда не ждите большого внимания от ваших внуков, дорогие работающие бабушки. С Новым годом и с 8-ым марта они вас, конечно, поздравят, «от всей души», по напоминанию своих родителей. Не обижайтесь – раньше нужно было думать и принимать участие во внуках хотя бы раз в месяц.

Моя мама ещё не приезжала на Зою посмотреть. Моя мама работает.

10 ноября

Что мне написать про нашу Зою? Она страшная крикунья. Настасья так меня не огорчала. Такое впечатление, что Зоя готова ныть по любому поводу и без повода. Борьба с этим невозможно. И даже когда она спит или спокойно лежит в своей кроватке, что всё же случается (над кроваткой висит пёстрая карусель, а по периметру пришита яркая аппликация – вроде бы есть, чем заняться), я нахожусь в постоянном напряжении, что ребёнок заплачет. Тогда мне приходится немедленно бросать все свои дела и брать её на руки. По-другому детустика не заткнуть.

Никакие погремушки и песенки её не отвлекают от крика: ей надо немедленно быть у кого-то на руках. Конечно, мы многократно пробовали не подчиняться её требованиям, не брать на руки и вообще не подходить к кроватке, но ни разу это не срабатывало: чем дольше мы проводили экспе-

римент, тем дольше потом приходилось её успокаивать.

В конце концов мы перестали мучить и себя, и ребёнка и прибегали по первому требованию – так было всем «дешевле».

Зато Зоя день за днём превращается в настоящую блондинку с огромными серыми глазами, хотя при рождении волосы у неё были тёмные.

Красивая девочка у нас получается.

16 ноября

Мне кажется, Настасья оступела от постоянного сидения дома со мной и с младшей сестрой. Получается, что мы – единственное Настино общение. Никуда я с Настей пойти не могу – ни на выставку, ни в театр, даже просто в центр Москвы погулять мы поехать не можем. Тропарёвский лесопарк и детские площадки – это пока всё. Да и то, в это время года большого кайфа от прогулок нет. У меня вообще такое впечатление, что Настя как-то замерла сейчас в своём развитии.

Конечно, дома у нас куча книг, хорошие принадлежности для рисования, я не прячу от Насти своё швейный ящик со всякими ленточками, бусинами, пайетками... Есть, чем заняться дома-то! Но ей как-то всего этого не надо, как-то ей всего этого не хочется.

– Насть, почему ничем дома заняться не в состоянии?

– Понимаешь, мамочка, я – очень ленивая девочка.

Может, она и вправду такого о себе мнения?

Никогда не лень Настасье только одно – болтать. Обо всём на свете. Главным образом – задавать вопросы. Я как-то ей сказала:

– Насть, ты ужасная болтушка. Тебя в школу не возьмут.

– Ничего страшного, я тогда сразу в институт пойду, – уверенно ответил ребёнок.

Ещё один «грех» числился за Настей всё её детство – какая-то прямо патологическая неаккуратность к собственным вещам. Заставить Настю убраться было невозможно. Делать же это за неё я считала не совсем педагогичным. У нас с ней постоянно возникали стычки на этой почве, которые ни к чему не приводили. Настя не меняла своего поведения.

– Насть, ты понимаешь, насколько ты бываешь ленивой и неаккуратной девочкой? Насколько трудно родителям с тобой бывает?

– Да, понимаю, но зато у меня лицо красивое, – ответила Настя.

В тайне от родителей она побрила волосы на руках. Сказала нам об этом через неделю. У неё есть кумир – певица Бритни Спирс. Настя хочет во всём походить на эту... дуру.

1 декабря

На Тверской есть чудесный книжный магазин «Москва»: он работает чуть ли не до полуночи. И меня туда отпустили. И вот там я купила Насте замечательную книжку «Сексуальная энциклопедия для девочек» с восхитительными картинками и очень доходчивым текстом. Настя была в восторге. Я попросила её по возможности показать книжку своим знакомым девочкам во дворе, чтобы те учились называть вещи своими именами.

Прочитав книгу, Настя храбро заявила Кольке:

– Коля, а я знаю теперь, что у тебя в штанах.

– И я знаю, – не растерялся наш папа. – У меня там половые органы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.